

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.411.21

¹ Гаджимурадова Т.Э., ¹ Исаева М.М.

¹ Дагестанский государственный университет

Проблематика и образность цикла рассказов Махмуда Теймура о суевериях

Аннотация: в статье рассматривается цикл рассказов классика новоарабской литературы египетского писателя Махмуда Теймура, посвященных теме возникновения и разоблачения суеверий. Относясь к писателям старшего поколения, Махмуд Теймур поднимает актуальные для общественной жизни 20-30-х годов XX века проблемы, в том числе увлечения европейскими ценностями и забвения собственных национальных традиций и обычаяев. В то же время в творчестве писателя отразились поиски жанра, форм. И не последнюю роль здесь сыграло влияние европейской литературы. Изменения нашли отражение в особенностях сюжетостроения, обрисовки характеров, стилистических приёмах и др. В статье рассматриваются рассказы М. Теймура, написанные в 1925-1926 гг., образующие цикл о суевериях. Вопросы проблематики, сюжетостроения, хронотопа, образности рассматриваются в рассказах «Шейх Джума», «Шейх Сейид слабоумный», «Амм Митвали», «Шейх Наим, имам, или Многоженец», «Шейх охраны». Отмечая добруту и наивность простых людей, писатель резко критически относится к отрицательным явлениям в их жизни. Используя «местный» материал для изображения конкретных жизненных ситуаций, он выражает свои идеи, настроения. Рассказы писателя демонстрируют укрепление реалистических тенденций, появление нового социально-дифференциированного героя.

Ключевые слова: египетская литература, Махмуд Теймур, жанр рассказа, проблематика, образность, цикл рассказов о суевериях

Для цитирования: Гаджимурадова Т.Э., Исаева М.М. Проблематика и образность цикла рассказов Махмуда Теймура о суевериях // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 243 – 249.

Поступила в редакцию: 05 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Gadzhimuradova T.E., ¹ Isaeva M.M.

¹ Dagestan State University

The problematics and imagery in Mahmud Taymur's cycle of stories about superstitions

Abstract: the article analyzes a cycle of short stories by the classic of modern Arabic literature, Egyptian writer Mahmud Taymur, devoted to the theme of the origin and exposure of superstitions. Belonging to the older generation of writers, Taymур raised pressing social issues of the 1920s-1930s, including fascination with European values and the neglect of national traditions. His works also reflect his search for new genres and forms, influenced by European literature. These changes manifested in plot construction, character depiction, and stylistic techniques. The article examines Taymур's stories written in 1925-1926, forming a cycle about superstitions, including "Sheikh Juma," "Sheikh Seyyid the Simpleton," "Amm Mitwalli," "Sheikh Naim, Imam or 'The Polygamist,'" and "The Sheikh of Security." While noting the kindness and naivety of ordinary people, the author sharply criticizes the negative aspects of their lives. The stories demonstrate the strengthening of realist tendencies and the emergence of new socially differentiated characters.

Keywords: Egyptian literature, Mahmud Taymур, short story genre, issues, imagery, cycle of stories about superstitions

For citation: Gadzhimuradova T.E., Isaeva M.M. The problematics and imagery in Mahmud Taymur's cycle of stories about superstitions. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 243 – 249.

The article was submitted: October 05, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

К первой половине XX века относится творчество крупнейших писателей-реалистов, классиков новоарабской литературы – Махмуда Теймура, Тауфика аль-Хакима, Taxa Хусейна, Нагиба Махфузса, Йусуфа Идриса и др. Происходит формирование новых литературных жанров, в том числе новеллы и рассказа. Появившись в египетской литературе начала XX века, они получили широкое распространение в творчестве египетских писателей-реалистов благодаря новизне, актуальности тематики, реализовав в образной форме особо актуальные вопросы.

Исследуемые нами рассказы писателя из цикла о суевериях имеют достаточно сложную структуру. В них отмечаются последовательность, неторопливость в изложении событий, стремление к замкнутости повествования, структурирование текста вокруг определенного события, значимого для жизни конкретного человека [6, с. 192]. Писатель стремится к детализации в описаниях, выражении впечатления, экономно используя художественные средства создания образности [10, с. 180].

Материалы и методы исследований

Материалом исследования является цикл рассказов египетского писателя Махмуда Теймура о суевериях; научно-критическая литература о творчестве писателя; теоретические источники о жанровой природе рассказа.

Методы исследования: в процессе написания статьи были использованы сравнительно-исторический, культурно-исторический и аналитический методы.

Результаты и обсуждения

Цикл рассказов Махмуда Теймура о суевериях [8, с. 153-176] относится к 1925-1930 годам. Этот период в своём творчестве писатель отмечает как особенно плодотворный. К произведениям этих лет он возвращается неоднократно, что-то добавляя, меняя, переделывая на протяжении всего творческого пути. Цикл рассказов о суевериях, впервые опубликованный в сборнике «Первый прыжок», тоже был отредактирован автором в 1931 году.

Уже в ранних рассказах писателя реализуется то, что станет определяющим для всего его творчества – правдивое изображение жизни Египта, разных слоёв общества (крестьян, чиновников, слуг, городской бедноты и др.). А.А. Долинина отмечает: «Теймур предельно объективен, в его рассказах почти нет лирических отступлений, авторских оценок, но его внешняя беспристрастность» оказывает на читателя особое воздействие [4, с. 14]. Очень интересны в этом плане рассказы Теймура, в которых разоблачаются суеверия.

В цикл ранних рассказов о том, как создаются святые, вошли рассказы «Шейх Джума», «Шейх Сейид слабоумный», «Амм Митвалли», «Шейх Наим, имам, или Многоженец». Один из поздних рассказов Теймура – «Шейх охраны» («сборник «За покрывалом», 1947 г.) – как бы перекликается с «Шейхом Джумой» [4, с. 14].

Всякий раз локальная ситуация рассказа отражает то, что характерно для жизни в целом. Повествование отличается ёмкостью текста и одновременно краткостью, чуткостью к деталям, описательностью, медлительностью, разнообразием сцен, характеров [7, с. 76]. Для рассказов характерны развернутые портретные характеристики, которые способствуют созданию в тексте произведения планов действия и повествования. Герой изображается в действиях, поступках. И в то же время элемент описательности занимает большое место в повествовании.

Писатель находится в постоянном поиске положительного идеала. Можно сказать, что его он нашёл в образе шейха Джумы. В рассказе «Шейх Джума» повествование начинается с воспоминаний о детстве – днях радости и забавы, когда жизнь была «простой и лищённой суровой мудрости» [8, с. 153]. Автор (повествование ведётся от первого лица) вспоминает, как шейх Джума рассказывал историю о правителе Сулеймане и старом орле, который «ожил тысячу тысяч лет» назад. Прошли годы, шейх не меняется – «он всё тот же, черты его не изменились, и речь осталась прежней». И историю о Сулеймане и орле он рассказывал с теми же деталями и выражениями. Рассказ шейха заставляет автора вспоминать детство – «пору чистоты и наивности» [8, с. 5].

Рассказ обычно предполагает портретную дескрипцию. «Шейх Джума» не исключение. Подчёркивается, что лицо шейха исчерчено морщинами. «Как волшебство» были слова, слетавшие с его «спокойных губ». Эпитет подчёркивает умиротворённость, безмятежность героя, его духовность.

Можно предположить, что это произведение (как и многие другие ранние рассказы) прошло более позднюю редакцию М. Теймура, так как в начале повествования в нём появляется многозначительная деталь: «Я уже стал взрослым, ум мой возмужал, но я и теперь прихожу к шейху Джуме, чтобы развлечься, и слушаю его сказки с интересом, к которому, правда, примешивается теперь ирония» [8, с. 153].

Времена меняются, герой мужает. «И всё на земле изменилось, кроме шейха Джумы» [8, с. 154]. Даётся более подробная портретная характеристика уже глазами взрослого человека. Спокойные губы и морщинистое лицо из воспоминаний детства пополняются новыми деталями: «Это человек в красной чалме и рубахе с широкими рукавами, с головой, наклоненной немного вперёд, и ласковой улыбкой, – он всё такой же. У него блестящие глаза, толстый нос, густая с проседью борода, лоб, на котором теснятся морщины, и смуглая кожа, отливающая краснотой – румянцем счастья, питающего его дух и тело. Да, это он – человек с медленной походкой и высоким приятным голосом, человек с широкими мечтами и необъятными надеждами» [8, с. 154].

Портрет красноречив. «Блестящие глаза» полны жизни и энергии, кожа отливает краснотой – «румянцем счастья». Человек «с широкими мечтами и необъятными надеждами» радуется каждому дню и каждому дарит свою любовь и понимание [8, с. 154].

Шейх любил слушать рассказы из книги «Тысяча и одна ночь». Больше всего ему нравились путешествия Синдбада-морехода, история «медного города», о Харуне ар-Рашиде, который, по словам шейха, был царём из царей ислама, «который воевал и с джиннами, и с людьми» [8, с. 154]. Шейху нравились стихи Абу Нуваса и Омара ибн Аби Рабиа. Он считал, что эти поэты восхваляют Всевышнего. Плавность, звучность, глубина, напевность арабского стиха заставляли его умиляться, испытывать истинный восторг, слушая их как «восхваления Аллаха, великого и славного» [8, с. 155].

Повествователь подчёркивает, что шейх Джума – «человек благочестивый и смиренный» [8, с. 156]. В то же время он любит жизнь, «радуется пению, веселится под грохот барабана и наслаждается звуками печальной свирели» [8, с. 156]. «... опьянённый музыкой», он выходил с величественным танцем, «воздев кверху руки и размахивая палкой» [8, с. 156].

Шейх Джума любим народом, потому что он «человек из народа», живёт его чаяниями, надеждами, с улыбкой принимает трудности и умеет радоваться каждому дню. Он живёт «на этой суровой земле, как живёт цветок в раскаленной пустыне под ударами жгучего ветра» [8, с. 156], вопреки всем жизненным неурядицам сохраняя чистоту помыслов, твердость в вере, любовь к человеку.

«Шейх Джума» открывает цикл рассказов о том, как создаются святыни. В нём превалирует описательное начало, даётся довольно подробная портретная характеристика шейха и описание его характера. И в молодости, и в зрелости он оставался неизменно простым, добрым и искренним. Вера даёт ему силы справляться с трудностями и оставаться «счастливым своей верой» [8, с. 156]. Писатель изображает народную жизнь «без всяких прикрас», проникая во внутренний мир простых людей, для того чтобы понять, на чем основаны поступки героев, их нравы, мысли, чувства [8, с. 6-7].

Тема о том, как создаются святыни, продолжается в рассказе «Шейх Сейид слабоумный». Экспозиция рассказа – описание шейха, идущего по полевой дороге [8, с. 157]. Показательно использование писателем зооморфной образности в сравнениях: голени у шейха – растрескавшиеся, «огромные, как у слона» [8, с. 157], воду он лакал с жадностью, «как лакает животное, измученное жаждой» [8, с. 157], «... шейх Сейид шёл между ними – будто скотина из их стада...» [8, с. 157], он «заметался, как зверь, растерянный и озлобленный» [8, с. 166], люди «потащили шейха Сейида за ноги, как тащат мёртвого быка» [8, с. 167]. Писатель подчёркивает, как опустился человек – прежде хозяин, глава семьи, когда-то отличавшийся «серёзностью ума и добротой нрава» [8, с. 157]. Его уважали и любили. Семья владела земельные угодьями, которые приносили хороший доход. Выручка с урожая делилась по справедливости [8, с. 158].

Благополучие длилось до эпизода с ослом, который, споткнувшись, сбросил на землю своего хозяина. Несколько недель он пролежал без сознания. Придя в себя, сильно изменился, потерял память и «не был теперь пригоден ни для какой крестьянской работы» [8, с. 158]. Лечение требовало средств. И братья стали раздумывать, как бы избавиться от калеки. Отобрав имущество, его выгнали со двора вместе с семьей. Писатель отмечает, как изменилась деревня, жители которой стали равнодушными друг к другу, и как прежде добрые отношения внутри семьи сменились корыстью и жестокостью.

В отличие от рассказа «Шейх Джума», в котором герой остается цельным на всем протяжении повествования, не меняя своего мировоззрения, привычек, шейх из рассказа «Шейх Сейид слабоумный» меняется и внешне, и внутренне. Причём перемены с ним происходят не один раз.

«Счастливой» оказалась встреча с мясником Абу Шуша. Зайдя к нему, шейх привычно повторял бесмысленные фразы, которые показались пророческими. Когда шейх ушёл, получив кусок мяса на пропитание, Абу Шуша задумался, пытаясь хоть что-то разумное найти в этой галиматье. Какой смысл в этих словах? «Не имел ли он в виду судебный процесс о земле? Ведь заседание как раз через три дня» [8, с. 160]. Мясник выиграл дело в суде. С этого момента шейх стал местным святым. «... счастье сопутствовало ему, и бред его оказывался удачным. Все боялись его и почитали, осыпая подарками и деньгами» [8, с. 160].

Теперь всё, что было связано с именем шейха, приобретало особый смысл, становилось отражением его великого дара. Так продолжалось семь лет. За это время с ним произошли очередные перемены. Безумие прогрессировало. «Из спокойного и безвредного» он превратился в буйного и опасного. Подобно урагану он влетал на рынок, наносил ущерб продаваемому товару, бил домашнюю птицу и людей. Люди стали возмущаться и опасаться за свою жизнь. Переменчивая судьба то поднимала его с колен, то вновь бросала на землю. Таким же непредсказуемым оказывается мнение народа, которое легко изменить.

Мать старалась не выпускать сына из дома, опасаясь за его жизнь. Сейид не один раз пытался сбежать. Но всякий раз терпел неудачу. Состояние шейха ухудшалось. Он метался по дому, грыз кирпичи и плакал. Мать как могла утешала его. В один из дней он вырвался из своей темницы. Из соседнего дома вышла женщина с ребёнком, неся на подносе еду своему мужу в поле. Почувствовав запах еды, шейх бросился ей вслед. Выхватил еду и тут же начал с жадностью её поедать. Женские вопли, лай собак... Обезумевшие жители деревни кинулись к месту происшествия. Избив его дубинками, «...люди засучили рукава на своих сильных руках и потащили шейха Сейида за ноги, как тащат мёртвого быка» [8, с. 167].

Вырыли могилу и бросили в неё тело шейха. «... и каждый вернулся к своему делу, как будто ничего не произошло» [8, с. 167]. Так трагически закончилась история шейха Сейида, которого люди возвеличивали и своими же руками уничтожили. Ему пришлось не один раз пережить взлёты и падения. Он стал «чудом» деревни. Прошли годы, и его могила стала местом паломничества, «Каабой для паломников со всех концов земли» [8, с. 168]. «Шли сюда люди, поражённые скорбью, и те, с кем случилась какая-нибудь беда, искали здесь благословения, просили содействия и молили о помощи, надеясь на милосердие шейха» [8, с. 168].

Забылась правдивая история. Однако людям нужно кому-то поклоняться. Вот они и сделали из захоронения слабоумного калеки место паломничества. В рассказах Махмуда Теймура высмеиваются обывательская ограниченность, предрассудки и суеверия.

Тема суеверий и их разоблачения продолжается в рассказе «Амм Митвалли». Здесь личность главного героя даётся в неразрывной связи с общественной средой. Начинается рассказ, как, впрочем, и другие из цикла о суевериях и предрассудках, с описания героя. «Амм Митвалли – бродячий торговец, продавец суданских бобов, халвы и других сладостей» [8, с. 169]. «Он появился там в своей чалме, высокой и белой, в рубахе с широкими рукавами... Голос его слаб от старости» [8, с. 169]. От описания внешности героя автор переходит к изображению его характера, привычек, быта. «Он прожил всю свою жизнь один, не было у него ни жены, ни детей. <...> Он живёт в маленькой тёмной комнатке...» [8, с. 169].

Все дни его жизни были похожи один на другой. Сначала описывается его вечер – с обязательным обращением к Всевышнему, размышлениями и воспоминаниями о прошлом, в котором он сражался в войсках сторонников Махди (Мухаммеда Ахмеда) – главы антианглийского восстания в Судане. С благоговением он берёт меч и целует его, надеясь, что правоверные везде поднимут знамя веры и очистят землю от скверны [8, с. 170].

Воображение Амм Митвалли рисует толпы врагов и его битву с ними. Реальность – пустая и тёмная комната, глубокая тишина. Ночью видятся ему чудесные сны – «славное прошлое и будущее, озарённое возвращением Махди» [8, с. 170].

Можно сказать, что рассказ вместили в себя целую жизнь, по крайней мере большую её часть. Известно, где он родился (Судан), воевал (командиром отряда). Описываются события пятнадцатилетней давности, когда он переехал в Каир. С этого момента порядок его жизни не менялся. «Рушились старые дома и вырастали новые, умирали люди и становились взрослыми детьми» [8, с. 170], а Амм Митвалли оставался прежним, ежедневно выходящим на прогулку по одним и тем же улицам с двумя «станциями» (остановками), на которых он проводил больше всего времени. Жизнь его была безмятежной, в постоянных молитвах и служении Всевышнему.

Показательно, что и в рассказе «Шейх Джума» также подчеркиваются постоянство, верность своим взглядам, твёрдость в благих намерениях. Мир зла подвижен, склонен к переменам. А добро, вера, совесть,

благие деяния должны быть неизменными в любые времена. Эти чувства (качества) не должны остывать ни при каких обстоятельствах. Подтверждением являются рассуждения прихожан «в тоске и скорби об исламе, о его минувшей славе и бедствиях, которые постигли его» [8, с. 171]. Мир переменчив, и слава может быть минувшей, вчерашней. Согласие, вера, взаимопомощь неизменны. Поэтому шейх Амм Митвалли всегда «с сияющим лицом, ровным и торжественным голосом рассказывал о грядущем прибытии», мессии. И люди любили его выступления, ждали их, «ожадно внимали этому святому человеку», его рассказам [8, с. 174]. Тот, кто касался когда-то его «чудесного» меча, произнёс: «Ты – наместник пророка...» [8, с. 174-175]. Амм Митвалли поверил прихожанам:

– Я Махди... Я наместник пророка... Я тот, кого послал Аллах руководить людьми... [8, с. 175].

Когда через пару недель Амм Митвалли настигла смерть, все жители квартала оплакивали его, устроили пышные проводы, построили великолепную гробницу [8, с. 174], которая стала Каабой для многих людей. «... и приходили они к ней искать исцеления от болезней телесных и душевных...» [8, с. 175].

Показательно, что в рассказах «Шейх Сейид слабоумный» и «Амм Митвалли» схожие концовки. Могилы стали местами поклонения, Каабой для верующих, страждущих, нуждающихся.

Махмуда Теймура отличает проникновение в сложный мир чувствований, хорошее знание жизни человека [3]. Локальная ситуация в рассказе отражает то, что характерно для жизни в целом – люди сами создают себе кумиров и боготворят их. Поклонение сплачивает людей. Они забывают о спорах, расприях, восхищаясь своим кумиром – идеалом набожности, чистоты, искренности. Личность Амм Митвалли, его жизненный путь, проблемы, с которыми он сталкивался, являются примером для его приверженцев, вдохновляют и дают надежду. Махмуд Теймур этим рассказом продолжает тему мнимых святых, лживых истин, ложных истоков почитания. Человеческие страхи, переживания становятся причиной появления веры в ложные святыни. И этот путь совершенно далёк от истинного духовного познания. Махмуд Теймур показывает «чудеса мнимые» (эпизод с мечом, от прикосновения к которому будто бы исцелился ребёнок, стоящий на краю гибели). Вера в них уводит человека от духовно-нравственного очищения, пути служения Всевышнему.

В рассказе отмечается устойчивое и неизменное начало – характер героя, который на протяжении всего повествования (всей жизни) остаётся человеком светлым, благородным, богообязненным. На это косвенно указывают маркеры постоянства (формулы неизменности): «... и за эти годы порядок его жизни не изменялся» [8, с. 170]; «как обычно, уселся возле дверей дома Нур-ад-дин-бека в ас-Суюфийе» [8, с. 170]; «сюда он всегда приходил после вечерней молитвы» [8, с. 170]; «А когда они наконец встали в круг, Амм Митвалли, как всегда, ... начал пространно рассуждать о прошлом ислама...» [8, с. 171] и др. В старых, простых и неизменных истинах сосредоточена огромная нравственная энергия поколений. Писатель обращает внимание на надёжные ценностные критерии, сформулированные и освященные авторитетностью народного сознания.

Тема сотворения кумира получает продолжение в рассказе «Шейх Наим, имам, или Многоженец», венчающем цикл о разоблачении суеверий. В отличие от двух других рассказов, он начинается с описания мечети местечка аль-Махарик, в которую каждую пятницу спешат толпы народа, чтобы «насладиться великолепной проповедью благочестивого имама мечети, шейха Наима, чтобы удостоиться части помолиться вместе с ним» [8, с. 176]. Дальше следует описание благочестия имама, который не зря заслужил такую славу, ведь «он произносит молитвы, тайно беседуя с самим Богом; его мир – это мечеть и дом» [8, с. 176]. Шейх посчитал себя «из числа потомков пророка, и что Аллах избрал его руководителем и наставником этой деревни и других деревень и городов» [8, с. 177]. Он рассказывает прихожанам о тайном голосе, призывающем ему «вести людей верным путём и помогать им» [8, с. 178].

Рассказ «Шейх Наим...» завершается словами: «Так живёт этот человек, наяву и во сне охваченный странными пророческими фантазиями о своем высоком предназначении в этом мире и в будущем, о той славной миссии, для которой избрал его Аллах, – миссии, которую могут успешно выполнить только истинные святые» [8, с. 178]. Шейх Наим только внешне остается богообязненным служителем культа.

В своем воображении шейх Наим себя рисует истинным святым, которому по плечу самые сложные задачи исцеления тела и души человека. В один из дней прихожанин Аб дат-Тавваб обратился к шейху с просьбой вернуть ему жену после тройного развода (три раза произнесённой формулы развода). Согласно закону, чтобы женщина стала дозволенной для мужа, ей нужно выйти замуж за другого человека, а затем развестись. Просьба Абд ат-Тавваба сделать жену дозволенной (т.е. жениться на ней) вызывала смущение у шейха. Он пообещал прочитать молитвы и испросить благословения у Всевышнего, чтобы жениться на жене сторожа. С этого момента он стал «чем-то вроде племенного барабана: не успевал он расторгнуть один брачный союз, как его уже ожидал другой» [8, с. 181]. Люди толпами стали стекаться к его дому, чтобы сделать своих жён дозволенными после тройного развода. Шейх уверен, что помогает «грешным рабам»

соединять «семью после разрыва, связывает союз после ссоры» [8, с. 180]. Эта уверенность в том, что он творит богоугодные дела, повлияла даже на внешний вид шейха: он выпрямился, как стройное дерево, подстриг бороду, покрасил её хной, стал умащаться благовониями. И если раньше во время проповеди голос его звучал сильно и грозно, то теперь – мягко и тихо.

Кульминационный момент в повествовании: в дом шейха пришёл городской житель Тихами вместе со своей бывшей женой, прося сделать её дозволенной вновь для брака с ним. Ситт аль-Кулль – так звали разведенную жену – вошла в дом шейха Наима и... заняла прочное место в сердце имама» [8, с. 181].

Очередная волна перемен коснулась шейха. Он реже стал бывать в мечети (чего никогда до этого не было), стремился больше времени проводить с Ситт аль-Кулль, делал ей подарки, дарил украшения. И женщина, увидев, что из шейха можно вить верёвки, «подарила ему свою благосклонность» [8, с. 182]. Шейх наслаждался временем, проводимым с феей, «похитившей его разум» [8, с. 182]. Тихами приходил в дом шейха за своей женой. Шейх же всякий раз находил причину для отказа – то он обвинял Тихами, что тот пришёл слишком рано («Аллах любит терпеливых, эфенди») [8, с. 182], то обещал её вернуть через неделю. В положенный день «шейх почувствовал в себе удивительную силу. Широко раскрытыми глазами он посмотрел на присутствующих, и глаза его излучали огонь, обжигающий сердца. Он поднял голову, и лицо его запыпало...») [8, с. 183].

Сославшись на тайный голос, который ему шептал, он принял решение не отдавать Ситт аль-Кулль. Прихожане встали на сторону имама, уверяя, что верят только в него, и в промысел Всевышнего, который повелел спасти жену Тихами, «охранить её от зла» [8, с. 183]. Люди, уверовав в его слова, прогнали Тихами и пригрозили убить, если он посмеет вернуться [8, с. 184] и оскорбить имама, посвятившего себя благу верующих. «Дурные наклонности развиваются ... в герое под влиянием "благоприятных" условий, слабость человеческой натуры не позволяет ему противиться соблазну» [5, с. 291].

Так был создан очередной кумир, слово которого воспринималось последователями как единственно верное, правдивое, посланное от Всевышнего, ведь шейх «слышит» тайный голос, который повелевает, поручает, направляет... [1, с. 71]. «В сиянии славы» шейх гордо покидает мечеть. Писатель ироничен в описании шейха Наима, который гордо надулся, «словно индюк» [8, с. 184]. Рассказ относится к разряду произведений Махмуда Теймура, в которых персонажи меняются под воздействием внешних обстоятельств, нравов общества.

Махмуд Теймур справился с задачей – создать «короткий жанр, труднейший жанр» [2, с. 47]. Реалистичны картины, создаваемые Махмудом Теймуром в рассказах о рождении и распространении суеверий. Даже в раннем творчестве отражается сложное отношение писателя к действительности. С одной стороны, задумываясь о будущем Египта, писатель не видит реальных путей улучшения жизни простого народа, с другой – он верит в своего положительного героя, человека из народа, феллаха.

Персонажи наделяются подробными портретными характеристиками. Писатель умеет укрупнять портреты, приближая некоторых своих героев к читателю. Автор при этом выступает одновременно в качестве наблюдателя, очевидца и критика происходящих событий. В его рассказах всегда описывается место действия, называются кварталы, улицы, «места стоянок». Поведение персонажей не является чем-то исключительным, а напрямую связано со средой, к которой они принадлежат.

Старший брат Махмуда, Мухаммед Теймур, всем своим творчеством заявил установку на изображение того, «что видят глаза». Это означало «рождение нового, реалистического сознания, воспринимающего любое явление действительности как достойное эстетического освоения и стремящегося отобразить его в наиболее... естественных формах. Эта установка сохранилась... на протяжении всей первой половины XX века» [5, с. 219-220]. В своё время Мухаммед Теймур доказал, что «местный» рассказ может соперничать с «импортным», что египетское общество способно дать писателю полноценный материал для художественной новеллы, что было вопросом чести для египетской литературы [5, с. 219]. Так же считал Махмуд Теймур, который использовал «местный» материал для изображения конкретных жизненных ситуаций, выражения своих идей, настроений.

Для Махмуда Теймура особую роль играет не сюжет, а изображение характера, портрет, биография персонажа, описание сцены (происшествия), которые позволяют ему наиболее полно раскрыться. В то же время для ранних рассказов Махмуда Теймура характерно изображение странных людей, тех, кто «не в своей тарелке». Из названий рассказов автора выстраивается целая «галерея» подобных персонажей («Амм Митвалли», «Шейх Сейид, слабоумный» и др.).

Выводы

Таким образом, в цикле рассказов о суевериях Махмуда Теймура, относящемся к раннему периоду творчества, реализуется то, что станет определяющим для всего творчества писателя – правдивое изображение

жизни Египта, разных слоёв общества (крестьян, чиновников, слуг, городской бедноты и др.). Рассказы Теймура, в которых разоблачаются суеверия, реализуют тему мнимых святых, лживых истин, ложных истоков почитания. Человеческие страхи, переживания становятся причиной появления веры в мнимые святыни. И этот путь совершенно далёк от истинного духовного познания. Для цикла рассказов о суевериях характерны такие особенности, как преобладание хроникального начала в сюжете; изображение общественных нравов и повседневной жизни, описательность, неторопливость действия, подробное бытописание, портретные дескрипции. В рассказах Махмуда почти нет внесюжетных элементов (лирических отступлений, пейзажных зарисовок), за исключением художественных предварений (снов, предчувствий, предзнаменований и др.).

Список источников

1. Али-заде Э.А. Махмуд Теймур. М.: Наука, 1983. 182 с.
2. Бондарев Ю. Человек несёт в себе мир. М., 1980. С. 47.
3. Георгиевский А.С. Русская проза малых форм. URL: <http://www.disserr.com/contents/> (дата обращения: 18.09.2025).
4. Долинина А.А. Предисловие // Современная арабская проза / пер. с араб. М.-Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1961. 366 с.
5. Кирпиченко В.Н., Сафонов В.В. История египетской литературы XIX-XX веков: в 2 т. М.: Восточная литература, РАН, 2003. Т. 1.
6. Кретова А.А. Святочные рассказы Н.С. Лескова в контексте русской литературы XIX века: дис. канд. филол. наук: 5.9.2. М., 1992. 16 с.
7. Русина Н.С. «Воительница» Н.С. Лескова: Проблемы характера и среды // Ученые записки МГПИ. 1970. Т. 389. С. 317 – 320.
8. Современная арабская проза / пер. с араб., предисл. А.А. Долининой. М.-Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1961. 366 с.
9. Столярова И.В. В поисках идеала... Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. 232 с.
10. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 2001. 334 с.

References

1. Ali-zade E.A. Mahmud Teymur. Moscow: Nauka, 1983. 182 p.
2. Bondarev Yu. Man carries the world within himself. Moscow, 1980. 47 p.
3. Georgievskiy A.S. Russian short fiction. URL: <http://www.disserr.com/contents/> (date of accessed: 18.09.2025).
4. Dolinina A.A. Preface. Modern Arabic prose. Translated from Arabic. Moscow-Leningrad: State Publishing House of Fiction, 1961. 366 p.
5. Kirpichenko V.N., Safronov V.V. History of Egyptian Literature of the 19th-20th Centuries: in 2 vol. Moscow: Vostochnaya Literatura, RAS, 2003. Vol. 1.
6. Kretova A.A. Christmas Stories by N.S. Leskov in the Context of Russian Literature of the 19th Century: Diss. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.2. Moscow, 1992. 16 p.
7. Rusina N.S. Leskov's "Warrior Woman": Problems of Character and Environment. Scientific Notes of MGPI. 1970. Vol. 389. P. 317 – 320.
8. Modern Arabic Prose. Translated from Arabic, foreword by A.A. Dolinina. Moscow-Leningrad: State Publishing House of Fiction, 1961. 366 p.
9. Stolyarova I.V. In Search of the Ideal... L.: Leningrad University Publishing House, 1978. 232 p.
10. Tomashevsky B.V. Literary Theory. Poetics. Moscow: Aspect Press, 2001. 334 p.

Информация об авторах

Гаджимурадова Т.Э., кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, taiba1970@mail.ru

Исаева М.М., ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, ai-shammm41@gmail.com